

Окрім вищезгаданих способів, дефразеологічні деривати німецької мови можуть утворюватися також внаслідок **абрєвіації** та **контамінації**. Однак обидва способи є малопродуктивними і деривати, що утворилися за їх допомогою, представлені в нашій картотеці поодинокими прикладами. Так, наприклад, абрєвіацією від берлінської ФО *janz (ganz) weit drauβen* утворився прислівник *jwd* «далеко, за містом» [7]. За допомогою контамінації від двох ФО *jmdm. eine kleben* та *die Schwalbe klebt ein Nest* утворилося дієслово *jmdm. eine schwalben* «дати ляпаса» (приклад Л. О. Саломасової [4, с. 179]).

Дефразеологічні деривати можуть брати участь у подальшому словотворенні. Якщо слова, що структурно та семантично співвідносяться з ФО, містять у своїй основі більше одного традиційного дериваційного суфіксу, порівняно із основою компоненту ФО, що став базою словотворення, то вони є дефразеологічними дериватами **другого ступеню**: їх мотивація фразеологічною одиницею опосередкована мотивацією словом – дефразеологічною походною першого ступеню, наприклад: *ein großes Maul haben* → *das Großmaul* → *großmäulig* → *die Großmäuligkeit*; *Füchse prellen* → *der Preller* → *die Prellerin* → *die Prellerei*.

Проведене дослідження дало змогу зробити наступні висновки:

1. Слова, що мотивуються ФО, утворюються за допомогою таких способів: лексико-фразеологічної конденсації, лексико-морфологічного, морфолого-синтаксичного, абрєвіації та контамінації. Найпродуктивнішим з них є морфолого-синтаксичний спосіб, яким утворилися 64 % дефразеологічних дериватів нашої вибірки.

2. Вибір того чи іншого способу утворення дефразеологічного деривату обумовлений як елементом випадковості, так і досить чіткими тенденціями: а) прагненням використовувати для дефразеологічних дериватів слівдиформи, що вже існують, з метою більш яскравого вираження експресії дефразеологічного деривату при зіткненні омонімів (лексико-фразеологічна конденсація та лексико-морфологічний спосіб); б) небажаністю великої кількості омонімів та прагненням до поєднання морфем, що не зустрічається у мові, що підкреслює експресію дефразеологічного деривату (лексико-морфологічний спосіб та морфолого-синтаксичний спосіб).

3. Запроваджений аналіз, в основу якого був покладений принцип *системності* мови, сам по собі слугує доказом даного принципу. Зокрема, доказом дериваційного взаємозв'язку, взаємодії та взаємопроникнення лексичного, синтаксичного та фразеологічного рівнів.

Таким чином, проведене нами комплексне дослідження дефразеологічної деривації дозволило не лише поглибити знання про зазначений процес, але й може стати в майбутньому підґрунтям для укладання двомовного німецько-українського словника дефразеологічних дериватів.

Джерела та література

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1993. – 149 с.
2. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. Теоретический курс. – 3-е изд., перераб. – М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1957. – 420 с.
3. Лазаренко О. О. Лексико-фразеологічна конденсація як спосіб утворення дефразеологічних дериватів (на базі німецької мови) // Сучасні проблеми лінгвістичних досліджень і методика викладання іноземних мов професійного спілкування у вищій школі: Зб. наук. пр. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – Ч. 1. – С. 85-87.
4. Саломасова Л. А. Деривация узусных словосочетаний в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1999. – 242 с.
5. Borchardt W., Wustmann G., Schoppe K. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert. – Siebente Auflage, neu bearbeitet von Dr. Alfred Schimmer. – Leipzig: VEB F.A. Brockhaus Verlag, 1954. – 539 S.
6. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Zitatenschatz des deutschen Volkes. – 35. Auflage, bearbeitet von Winfried Hafmann. – Frankfurt/Main – Berlin: Ullstein GmbH Verlag, 1986. – 543 S.
7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – Das umfassendste Werk zur deutschen Gegenwartssprache. – 10 Bände auf CD-ROM. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2005. – Programmversion 4.0.
8. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – 18. Auflage bearbeitet von Walter Mitzka. – Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1960. – 917 S.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH, 1987. – 959 S.
10. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. In 5 Bänden. – Fünfte Auflage. – Freiburg, Basel, Wien: Herder-Verlag, 2001. – 191

Левицкий А. Э.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМОДИФИЦИРОВАННЫХ КОМПОЗИТНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В предлагаемой Вашему вниманию статье рассматриваются проблемы композитного образования на материале современных английского и русского языков в сопоставительном аспекте, что способствует раскрытию структурно-типологических особенностей данных языков, незатронутых в имеющихся научных публикациях [см., напр., 1]. Именно поэтому целью настоящей работы является выявление семантических и функциональных характеристик английских и русских композитных образований, в которых компоненты не подвергаются структурным модификациям.

Человек в процессе осуществления разных видов деятельности сталкивается с необходимостью различать существующие и обозначать новые объекты окружающей его действительности, воссоздавая образ мира, в котором живет. Обусловленные этнокультурной, социальной и индивидуальной практикой потребности и интересы субъекта ориентируют его внимание, побуждая с помощью познавательного процесса искать пути обеспечения жизнедеятельности. Человеку необходимо знать, каким образом и до какой степени некая сущность отвечает его требованиям, и как / когда он может использовать в своих целях. В зависимости от важности некой сущности индивид может существенно детализировать выделенные свойства на основе функций предметов, их местоположения на пространственной, временной и ценностной оси, качества и основных характеристик. На этой основе и происходит идентификация неких сущностей, т. е. их категоризация. Данная ментальная операция напрямую связана с выявлением базовых свойств определенных предметов, явлений, состояний, действий и признаков [см., напр., 2], которые взаимодействуют с процессами обработки полученной информации.

Использование когнитивной операции сравнения предполагает, что определенные сущности могут быть восприняты как элементы, входящие в один класс, т. е. определенные предметы, явления, состояния или признаки объединяются в некие группы. В реальных ситуациях познания окружающего мира мыслительные операции поиска сходства, тождества и подобия [см. 3], не всегда отличаются особой точностью. Ложная же

категоризация, неадекватная оценка или искаженное представление способны привести к существенным ошибкам и затруднить процесс жизнедеятельности. Фиксация результатов категоризации в концептуальной и языковой картинах мира позволяет членам определенного сообщества автоматически распознавать одушевленные и неодушевленные объекты, их признаки, состояния, действия. Не всегда, однако, категоризация окружающего мира бывает успешной в смысле четкости разделения мира на элементы и установления между ними связей и отношений: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т. п., приводя к трудностям в аспекте номинации неопределенных сущностей, поскольку «смысл подстраивается под словарь и под грамматику языка» [4, с. 37]. Сам же язык как знаковая система является не только продуктом познавательной деятельности человека, но и выступает одним из главных путей ее осуществления. Итак, в процессе вербализации некой информации индивид руководствуется целым рядом номинативных процедур, основанных на когнитивных стратегиях, которые отражают наши знания о мире [см. подр. 5]. Довольно часто механизм номинации базируется на ассоциативном восприятии и «работает» в направлении поиска некой языковой формы, наиболее полно соответствующего ключевым параметрам рассматриваемого объекта или явления.

Новая же двухкомпонентная единица возникает в силу определенных социально-психологических предпосылок. Когда перед человеком появляется новая реалия в известной ситуации, он противопоставляет ее старой, обычно выступавшей в этой ситуации. Следовательно, он переносит на новую реалию название старой, осложняя ее другой единицей, сформированной в предикативном ядре высказывания, которое отображает данную ситуацию. Таким образом происходит своеобразное сравнение двух сущностей – известной базовой и новой, обладающей новыми характеристиками, но приближающейся к первой по основной из них.

Использование при порождении высказывания разноуровневых единиц языка для выражения близкого значения или для обозначения схожих сущностей становится возможным из-за того, что в каждой номинативной единице, это содержание возникает на базе определенной пропозициональной структуры. Разные фокусы реализации одного и того же фрейма зависят от интенции продуцента высказывания, задания всего коммуникативного акта [6]. При этом составляющие немодифицированных композитных образованиях грамматически оформлены в соответствии с морфологическими правилами конкретного языка. Кроме того, если номинация состоит из двух компонентов, то происходит семантическая контаминация составляющих ее формальной структуры, реализуемая как совмещение актантных сем, семантических ролей и пропозиций [7, с. 8]. Данный когнитивно-номинативный комплекс непроницаем ни формально, ни семантически.

Поскольку словообразовательные и словообъединительные правила ориентированы на синтаксис, то полнозначные единицы языка рассматриваются не только лишь как средство номинации, но и как средство представления одного и того же содержания с помощью разноструктурных единиц в высказывании. Правила синтаксической деривации представляют собой образец транспонирования единиц из одного класса в другой или же образцы транспозиции конститuentов одного уровня (в частности, синтаксического) на другой (лексический): от синтаксиса – к слову [8, с. 123] (ср. *as white as snow :: snow-white, as pure as water :: water-pure*)¹. С этим частично пересекается проблема функционального статуса и таких единиц, как *Голая Пристань, детский сад, hard hat, President Bush*.

Отметим также и общую тенденцию к компрессии информации и номинализации, характерную для современных английского и русского языков, которая отражает стремление людей к экономии лексических средств. Стремление передавать максимальный объем информации минимальными языковыми средствами приводит к возникновению все новых компрессированных форм, которые входя в состав высказывания как готовые комплексы и воспринимаются как единые номинативно-когнитивные образования, не вызывающие трудностей в процессе восприятия. Новые образования функционируют подобно лексическим единицам, отвечая всем лексико-грамматическим показателям полнозначного слова. Действие закона лингвистической экономии проявляется в результате стремления коммуникантов интегрировать компоненты словосочетания, т. е. превращать его в единое сложное целое. Семантика подобных единиц в границах текста представляет собой своеобразное развитие уточнения значений, заданных мотивирующей единицей на уровне СФЕ. Возможны также и окказиональные образования, спонтанно возникающие в контексте. В них также может происходить семантическая контаминация на основе концептуального взаимодействия, что тоже приводит к их функциональному объединению в рамках высказывания [ср. 9, с. 96-100; 10, с. 1-17].

Стяжение отдельных слов и их превращение из единиц коммуникации в единицы номинации отмечаются, как правило, на письме дефисом, кавычками, тем и другим вместе или не имеет никаких специальных обозначений. Появление новой композиты отмечается определением единого референта; ее интонационной и графической слитностью; характеризуются выполнением единой синтаксической и прагматической функции; способностью оформляться грамматическими и деривационными формантами; не допускает никаких вклиниваний и представляют собой целостный языковой знак: *She's the movie-and-books freak [J. Fowles]; It seemed so spur-of-the-moment on his part [Ibid.]; Людям не снится Все-Что-Угодно [Комсомольская правда, 13/III, 1993]*. Их функциональные характеристики не представляют простое суммирование функций образующих их знаков, а их сложное комплексное взаимодействие.

Когнитивный аспект значения подобных комплексов связан со способностью последних функционировать в качестве средств выражения фрагментов значения – когнитивных структур. Под когнитивной структурой понимается некая совокупность познаваемых объектов, которые в языке обозначены словами, и познавательных связей, способом выражения которых выступают различные языковые средства [11, с. 4].

В семантической структуре подобных образований находят свое отражение когнитивные структуры, возникшие на основе познавательных связей между частью и целым, предметом и его признаком, действующим предметом и его функцией, связей, в основе которых лежит количество или качество. Усложнение когнитивной структуры за счет расширения числа познавательных связей влечет за собой усложнение семантической, следовательно, и синтаксической структур комплекса.

Прагматический же аспект значения данных комплексов соотносится с информацией об отношении продуцента высказывания к познаваемым объектам, к предмету речи, их оценке, своей субъективной установке на явления внеязыковой действительности. Поскольку продуцент высказывания берет на себя ответственность за каждое действие в аспекте вербализации окружающей действительности, это приводит к трудностям в ходе осознания или формулирования индивидом своих понятий, суждений и умозаключений в процессе коммуникации. В таких случаях продуцент высказывания бережно подходит к процессу познания окружающей действительности, а следовательно, проявляет излишнюю точность при номинации объекта с ярко выраженными комплексными характеристиками. Таким путем он помогает реципиенту правильно декодировать полученную информацию, избежать ложной интерпретации действительности.

В результате названных выше причин в современных английском и русском языках отмечается значительное количество комплексных образований, возникших на основе объединения неких полнозначных лексических единиц, в том числе и свободных словосочетаний в форме слова. Наиболее распространены лексемы, возникшие в результате действия словообразовательных моделей на основе самостоятельных лексем (случаи словосложения с интерфиксами, телескопии и аббревиации). В них, как правило, происходит объединение отдельных морфем, замещающих весь словесный комплекс, т. е. их модификаций. Однако в современных английском и русском языках имеется значительное количество лексических единиц, возникших в результате объединения двух полнозначных номинативных единиц без каких-либо изменений формы их составляющих. К ним относятся: устойчивые словосочетания с непереосмысленными компонентами (музыкальный центр, affirmative action); устойчивые словосочетания с частично переосмысленными компонентами (кислотный рок, air house); лексические единицы, появившиеся в результате дубликации (кошки-мышки, haugum-scarum), юктапозиции (schoolboy, arm-chair, Ворошиловград, плащ-палатка), синтаксического словосложения (meet-up-go-round, мать-и-мачеха). Согласимся при этом с Е. С. Кубряковой в том, что любое производное или сложное образование, формируясь, проходит путь от знака-сообщения к знаку-наименованию [12, с. 82], признавая тем самым возможность лексикализации грамматики [13], что дает право констатировать лексикализацию словообразовательной структуры, т. е. продуктов словообразования. В результате данного процесса без привлечения дополнительных элементов (аффиксов и вставочных элементов), без изменения морфологической структуры слова отдельные номинативные единицы в акте коммуникации способны объединяться в единый словесный комплекс. Поэтому элементы подобных словосочетаний постепенно сращиваются, т. е. соположения, расположенные контактно, лишь спустя определенное время приобретают единое значение [14, 10]. Процесс универбализации синтаксических единиц может быть представлен в трех основных стадиях: соположение, сближение и инкорпорация, которым соответствуют словосочетание (a large room, an ancient city, интересная книга), словостяжение (a shade temperature, a meat ball, бурый уголь) и сложное слово (a nightcap, a drumstick, план-конспект) [ср. 14, 21]. Более тесная связь компонентов отмечается в комплексах типа NN (язык-основа, женщина-врач) по сравнению с моделью N-N (оболтус муж, Борис Кравчук, река Волга) [15, с. 33].

При этом в современном английском языке, тяготеющем к аналитизму, единицы, образованные по указанным выше моделям, встречаются значительно чаще, чем в русском. Даже ФЕ, предложения и их фрагменты могут подвергаться универбализации: «Really, let-sleeping-dogs-lie approach» (J. V. Priestley); «My dear», began the Cave-man. «Don't you my dear me!» she answered (S. Leacock).

Кроме того, в современном английском языке употребляются немодифицированные композиты, не встречающиеся в русском языке. К ним относятся устойчивые словосочетания, относящиеся к рифмованному сленгу (movers and shakers, nuts and bolts и др.); парные словосочетания типа far and wide, sooner or later, wash and go отражают парность человеческого мышления, часто выражая семантически и синтаксически соотносимые понятия, в состав которых входят и необразные словесные штампы, авторские неологизмы, библеизмы [16, с. 4-19]. Подобные образования в основном служат способом создания экспрессивной избыточности. Компоненты же рифмованных образований связаны отношениями семантического единства, которое приобретает новый смысл, отличающийся от значений составляющих его лексических единиц. Наличие подобных единиц коренится в природной склонности человеческого мышления к объединению, сопоставлению, а иногда и противопоставлению явлений и предметов внешнего мира, непосредственно или опосредованно связанных друг с другом в процессе познания предметов объективного мира.

В современном же русском языке, в отличие от английского, наблюдается явление плеоназма, т. е. избыточности информации, закодированной в словесном комплексе (пути-дороги, трава-мурава и т. п.). Отмечаются также случаи совмещения в одном словесном комплексе разных единиц для передачи комплексной сущности референта (Отдельные достижения в стиле-духе прежней «Лады» ... высказывают, словно воспоминания [Сов. спорт, 24/XI, 2006]); подачи избыточной информации (Семина – считай, отец-основатель «Локо», хранитель очага [Сов. спорт, 27/XII, 2006]; выражения уточнения (Дерзко-храбрый Турсунов, весь сезон закаляясь, прорубал себе дорогу к этому финалу [Сов. спорт, 4/XII, 2006]); формулирования обобщения (Можете для пущей точности проверить соображения о качестве родного футбола статистикой встреч с «Гертой»-«Шерифом»-«Слованом»-«Пармой»-«Варегемом» на малых европейских сценах [Сов. спорт, 27/XI, 2006]); представления количественной приблизительности (Но в новом году предлагали построить небольшие трибуны в четыре-пять рядов [Сов. спорт 25/XII, 2006]).

Данные композитные образования используются для реализации стремления к конкретизации как коммуникативной тактики, а именно: детализации (После матча звонки от друзей-спартаковцев: «А ты, оказывается, за ЦСКА болеешь» [Сов. спорт, 19/XII, 2006]); передачи дополнительной информации (Важно, чтобы эту прочность он нашим передал-вдолбил [Сов. спорт, 25/XII, 2006]); раскрытия неоднородной сути вещей (Знаете, есть такой сложный тип людей – холодно-горячий [Сов. спорт 4/XII, 2006]), их схожести или подобия с другими (Вообще, пожалуй, только тренеры-пожарные ... вносят элемент загадки [Сов. спорт 11/XII, 2006]).

Окказиональный характер многих подобных образований свидетельствует о тенденции к расширению данного явления, что проявляется и в форме цитации: She had almost the «thank-you-I'm-not-that-sort-of-

girl»stiffness about it»(R. Aldington); Он сыграл десятиклассника Костю, этакого интеллектуала шестидесятых, «мальчика-нет-проблем» [Комсомольская правда, 9/IV, 1993]. Все же признаем, что в современном английском языке данное явление относится к типологическим, то в русском находится на периферии словообразовательных процессов.

Существование подобных видов номинации подтверждает тесную взаимосвязь коммуникативной и когнитивной функций языка, т. е. в любом акте коммуникации содержится номинация. Перспективным представляется выделение концептуальных составляющих рассмотренных композитных образований.

Литература

1. Левицкий А. Э., Славова Л. Л. Сравнительная типология русского и английского языков. – Житомир: Изд-во ЖГУ, 2005. – 204 с.
2. Барсук Л. В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 7-12.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). – М.: Наука, 1988. – 230 с.
4. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 25-38.
5. Левицкий А. Е. Особливості динаміки процесу номінації у сфері сучасної англійської термінології // Проблеми семантики слова, речення та тексту: Зб. наук. праць. – Вип. 17. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 199-203.
6. Панкрац Ю. Г. Когнитивные аспекты единиц номинации разных уровней языка // Языковая категоризация. – М.: ИЯ РАН, 1997. – С. 69-70.
7. Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39-53.
8. Кубрякова Е. С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речемыслительного процесса // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 82-140.
9. Gagné Ch., Murphy G. L. Influence of Discourse Context on Feature Availability in Conceptual Combination // Discourse Processes. – 1996. – Vol. 22, № 1. – P. 96-101.
10. Thomas J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. – L.: Longman, 1996. – 224 p.
11. Баянкіна Е. Г. О функциях атрибутивного словосочетания в тексте // Текст: функция и семантика его компонентов. – Минск: БАКЛ, 1993. – С. 3-4.
12. Медведева Л. М., Дайнеко В. В. Парные словосочетания английского языка. – К.: Вища школа, 1989. – 184 с.
13. Кубрякова Е. С. Производное слово как особая единица системы языка // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1976. – С. 76-83.
14. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: ИЯ РАН, 1995. – С. 144-238.
15. Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. – К.: Вища школа, 1983. – 84 с.
16. Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. – М.: Наука, 1975. – 237 с.

Примечания

¹Нехарактерные для современного русского языка (ср. белый, как снег – белоснежный), как и сложные усилительные атрибутивные единицы (stone-cold, dog-tired и др.), а также образования гибридного типа «компрессированное существительное + существительное» (V-day < Victory Day).

Лешкова Н. В.

ОСОБЛИВОСТІ ПОСТПОЗИЦІЇ РЕМИ ТА РЕГУЛЯРНІСТЬ ЇЇ РЕАЛІЗАЦІЇ У ПРОСТИХ РЕЧЕННЯХ

Основною ознакою, на яку вказують у всіх граматиках, є те, що головною інформаційною частиною речення вважається його кінцевий відрізок. Розглядаючи особливості інтонаційного оформлення граматичних конструкцій різного типу, більшість лінгвістів зупиняються на різних засобах виділення інформативно значущих частин речення в усному і писемному мовленні. Вони використовують поняття інформативного фокусу, який маркується інтонаційним ядром, тобто виділений наголосом і зміною контуру. Фокус падає на той елемент у реченні, до якого мовець повертає увагу слухача, як правило, на останнє повнозначне слово в кінцевому мелодійному контурі.

Водночас припускається пересування фокусу вперед залежно від того, на що звертається увага, і у вигляді контрасту до висловлюваного: *Потім пройшов до себе в хатинку тихенько* (В. Винниченко), при цьому спостерігається підвищення тону на останньому наголошеному складі. Таке виділення називається контрастним фокусом, і відмічається, що часто з його допомогою може виділятися ціла конструкція всередині речення. В ряді випадків спілкування інформативно важливим може бути перше слово (або одне з останніх), а не кінцеве слово, і тоді саме з ним поєднується інформаційний фокус (цей момент заслуговує особливої уваги, тому що в українській мові домінуючим засобом виділення є порядок слів). Хоча лінгвісти не порушують загального тла цієї проблеми, всі ці випадки дуже важливі для речематичного аналізу, оскільки в них ми простежуємо можливість винесення реми на початок висловлення. Звичайно, фонетичні засоби допомагають в аналізі усного мовлення. Досліджуючи писемне мовлення, можна спиратися лише на контекст і вирішувати, чи необхідно ставити головне слово під особливий наголос або воно входить у висловлення, яке посідає місце з-поміж інших у межах дискурсу.

Отже, актуальність дослідження місця реми у структурі простих речень зумовлена недостатнім вивченням проблеми та відсутністю синтезованого характеру праць у українському мовознавстві.

Метою статті постає дослідження місця реми у структурі простих речень, що передбачає розв'язання таких завдань: 1) простеження еволюції поглядів на визначення реми; 2) встановлення особливостей вираження реми у простих реченнях.

Характеризуючи можливості виділення найбільш значущих частин речення, Дж.Сінклер зауважує, що формальними засобами для цього є: 1) початкова або більш рання позиція (*Пізніше він обіцяв прийти*), 2) кінцева або більш пізня позиція за умови, що вона граматично передбачається (*Він обіцяв прийти пізніше*), 3) незвичайна позиція – інтерпретація, хоча і припустима правилами граматики є мало репрезентованою (*Він обіцяв пізніше прийти*), 4) інтонаційне виділення, що окреслене також розділовими знаками, 5) особливі прийоми, які «в усному мовленні виступають у вигляді супровідних жестів, надзвичайно гучного голосу і